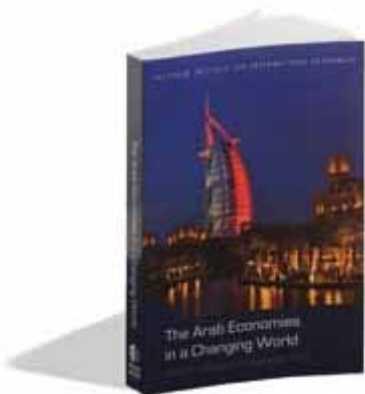

Преодоление средних показателей в арабском мире

Marcus Noland and Howard Pack

The Arab Economies in a Changing World

Peterson Institute for International Economics, Washington, D.C., 2007, 350 pp., \$24.95 (paper).

В книге «*The Arab Economies in a Changing World*» («*Экономика арабских стран в меняющемся мире*») Маркус Ноланд и Ховард Пек изучают экономические результаты и перспективы 10 арабских стран: Алжира, Египта, Иордании, Йеменской Республики, Кувейта, Ливана, Марокко, Саудовской Аравии, Сирийской Арабской Республики и Туниса. Исходная посылка предусматривает, что принадлежность к арабскому миру обеспечивает существенную степень однородности для сравнения экономических показателей и перспектив. Будучи автором книги, написанной в 1976 году по этому региону, который простирается от Марокко до Исламской Республики Иран, я могу сказать, что «арабский» регион характеризуется малой однородностью. В 1997 году я пришел к такому же выводу в отношении шести стран Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ). Эти страны не обладали однородностью, на которую я надеялся (вряд ли можно сравнить Саудовскую Аравию и Бахрейн). Позднее, в 2006 году, я считал, что, может быть, экспортеры нефти из Персидского залива имели наилучший показатель однородности, но даже в этом случае присутствовали свои ограничения. Ноланд и Пек негласно приходят к аналогичному выводу, что рассматриваемые страны являются слишком разнообразными и не позволяют сделать четких обобщений.

Арчана Кумар — редактор Книжного обозрения.

Важнейшие выводы

Основные выводы этой книги заключаются в том, что 1) хотя большинство этих стран по социальным показателям достигло существенных успехов, их экономические результаты являются средними; 2) такие экономические результаты имеют различные причины; 3) факторами, содействующими относительно низким показателям, являются некачественные институты (высокий уровень коррупции, отсутствие трансграничной интеграции, ограниченное применение технологии и инноваций, образование и повышение квалификации ниже среднего и так далее), авторитарное правление, политическая неопределенность и крупный государственный сектор; 4) в случае нефтеэкспортеров нефть создает особые возможности и ловушки. В своем резюме авторы делают вывод, что «вопрос заключается не в масштабах прошлых достижений, ... а в том, являются ли существующие экономические и политические модели ... достаточными для успешного удовлетворения потребностей в создании рабочих мест, вызванных демографией. ... Ответ почти бесспорно отрицательный».

Их анализ носит вдумчивый характер и имеет большое значение, но при этом у меня есть некоторые разногласия с авторами. Например, авторы недооценивают значение коэффициента участия женщин в рабочей силе для будущей безработицы. Кроме того, из-за разнообразия стран Ноланд и Пек упускают то обстоятельство, что в 1975–2004 годах результаты экспортеров нефти из Персидского залива были ниже средних, а не средними.

Досадные упущения

В оценке причин средних экономических результатов Ноланд и Пек не выделяют роль конфликтов и войн. Ирак, Ливан, Кувейт, Алжир, Египет, Сирийская Арабская Республика и Иордания — все эти страны заплатили большую цену, а ряд стран ССЗ оплачивает отдельные счета по военным расходам.

Авторы также игнорируют негативную роль внешних сил, будь то поддерживающих диктаторов, изоляцию стран, санкции, «навязывание» сложной военной техники или просто политику «разделяй и властвуй». Авторы утверждают: «В силу необычно долгосрочного стабильного характера арабских политических режимов это наследие (то есть, авторитарность), по-видимому, сохранялось в регионе значительно дольше, чем аналогичные тенденции в других регионах». Но они

не говорят почему. «Спорные вопросы носят принципиально «внутренний» характер. В этой ситуации международное сообщество мало что может сделать». Ответ заключается в том, что иностранные державы должны разделить часть вины за авторитарное правление и так называемые внутренние проблемы в ряде стран региона.

Наконец, хотя авторы в различных местах утверждают, что ислам не является фактором экономических результатов этих стран, они, видимо, также

«Хотя большинство этих стран по социальным показателям достигло существенных успехов, их экономические результаты являются средними».

подстраховываются: «Возможно, что негативная интерпретация исторического наследия ислама, рассмотренная ранее, является правильной, но конвергенция институтов, мер политики и поведения была достаточной для смягчения этих эффектов в современном мире». Они цитируют только одну группу комментаторов, не предлагая для уравновешенности точки зрения других, которые считают, что ислам четко выделяет значение экономического процветания и экономической справедливости для мусульманского общества.

*Хоссейн Аскари,
профессор из Ирана
по международному бизнесу
и международным отношениям,
Университет Джорджа Вашингтона*

Друзья или враги?

Bill Emmott

Rivals

How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade

Harcourt, 2008, 352 pp. \$26 (cloth).

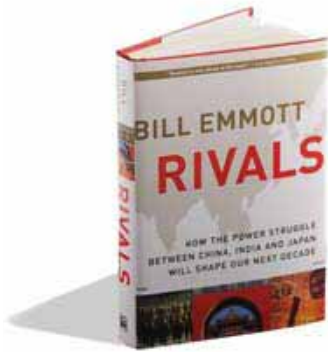
В течение 13 лет Билл Эммотт трудился на посту главного редактора журнала *The Economist*. Эту высокую должность он получил после работы корреспондентом журнала в Токио, где он находился в 1980-е годы. В то время экономический подъем Японии вызывал в США и других странах опасения, что Япония решила переделать мир по своему образу и подобию. Но в 1989 году Эммотт написал книгу, которая противоречила существовавшим тогда настроениям, *“The Sun Also Sets: The Limits to Japan’s Economic Power”* («И заходит солнце: пределы экономической мощи Японии»), в которой прогнозировал, что экономический рост страны вряд ли продолжится в 1990-е годы.

Благодаря своим точным предсказаниям, Эммотт участвует в дискуссии об Азии, обладая достаточным кредитом доверия. Его уход из журнала *The Economist* в 2006 году позволил ему вернуться к публицистике и в книге *“Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade”* («Соперники. Как борьба за влияние между Индией, Китаем и Японией будет определять следующее десятилетие») он опубликовал новую серию поучительных наблюдений. В книге освещается много нюансов и мало избобилующего клише бодрчества, она представляет собой полезный и понятный вклад в (часто напыщенную) дискуссию об экономическом и политическом будущем Азии.

Кто прав?

Эммотт начинает с вывода о том, что Азия никогда не была регионом, в котором существовали три мощные державы одновременно, и таким образом, для будущего континента важнейшим будет вопрос о том, насколько хорошо они смогут наладить политические и экономические отношения друг с другом. В книге цитируется старшее должностное лицо из Министерства иностранных дел Индии, которое высказывает точку зрения относительно игры с нулевой суммой: «Вы должны понять одну вещь», — сказал чиновник, «обе наши страны [Индия и Китай] считают, что нам принадлежит будущее. Но мы не можем быть правы одновременно».

Жалобы Китая на поведение Японии во Второй мировой войне остаются открытой раной, при этом многие китайцы обвиняют японцев в отсутствии раскаяния за военные преступления. Китай до сих пор претендует на индийский штат Арунахал Прадеш (что привело к войне 1962 года), тогда как Индия утверждает, что она является

законным собственником отдаленного участка Гималаев, который сегодня принадлежит Китаю.

В этих условиях решение Китая об увеличении военных расходов на 18 процентов в год и решение Индии повысить свои расходы на 8 процентов (подписав также пакт об атомной энергетике с США) представляются зловещими. Даже Япония, хотя она ограничена в том, что она может сделать для укрепления армии, подписала в прошлом году декларацию о безопасности с Австралией, Токио впервые заключил такое соглашение после подписания мирного договора с США в 1952 году.

Связывающие узлы

Отрадная новость состоит в том, что эти три страны сейчас объединяются процессом экономической интеграции. Например, в июле 2008 года Япония экспортировала в Китай больше товаров, чем в США, это случилось впервые. Пока сохраняются высокие темпы роста (по крайней мере в Индии и Китае), эта интеграция должна углубляться, объединив Азию в беспрецедентной степени со времен завоеваний Чингисхана.

Но будет ли интеграция продолжаться? Это зависит от способности каждой страны проводить реформы, которые служат катализатором для экономического роста.

Например, рынки капитала в Китае избобилуют недостатками. Более того, заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей в

прошлом году заявил, что 70 процентов компаний, акции которых обращаются на бирже, ничего не стоят и должны быть удалены из регистрационного списка.

Экономику Индии все еще сдерживает множество мер регулирования, удушающие деловую активность (она занимает лишь 134-ое место по рейтингу в рамках проекта Всемирного банка «Ведение бизнеса»). Инфраструктура страны и неэффективная система управления угрожают инвестициям и экономическому росту.

Экономика Японии по-прежнему обременена широко распространенными элементами неэффективности, и индекс Nikkei недавно упал до самого низкого уровня с 1982 года. В 1998 году, будучи редактором журнала *The Economist*, Эммотт опубликовал передовую статью под заголовком «Удивительная способность Японии разочаровывать». Этот заголовок по-прежнему применим сегодня.

Установление мира

Эммотт завершает книгу рядом рекомендаций для преодоления соперничества трех стран. Они охватывают инициативы в отношении безопасности (убедить Индию подписать Договор о нераспространении ядерного оружия), окружающей среды (сокращение выбросов и увеличение инвестиций в «чистую» энергию) и дипломатии (стимулирование поддержки США Восточно-азиатского саммита, начатого в 2005 году, поскольку это единственный региональный орган, включающий Индию, Китай и Японию). С учетом прошлого успеха Эммотта на почве прогнозирования представляется любопытным упущением отсутствие заявления о своих ожиданиях: станут ли три страны соперниками, склонными к саморазрушению, или союзниками, работающими на благо друг друга.

Но он справедливо отмечает, что отношения между тремя странами будут определяться поведением Китая. Успешное проведение Олимпийских игр в Пекине замечательным образом изменит имидж Китая, хотя на долгосрочную перспективу более значительными являются слова Дэна Сяопина, сказанные в ответ на вопрос о подходе Китая к управлению: «стабильность перевешивает все другое». Япония и Китай, равно как другие страны в Азии могут только надеяться, что это означает приверженность региональному партнерству, а также миру.

Мэтью Риз,
президент Geopolitics

Цены в центре внимания

Robert J. Samuelson

The Great Inflation and Its Aftermath

The Past and Present of American Affluence

Random House, New York, 2008, 336 pp., \$26 (cloth).

Федеральная резервная система США (ФРС) за свое 95-летнее существование допустила два серьезных промаха. ФРС усугубила Великую депрессию 1930-х годов, отказавшись влить ликвидность в мировую экономику, которая ее жаждала. А в 1970-е годы ФРС позволила развернуться Великой инфляции, не откачав ликвидность из мировой экономики, которая в ней утопала. Великая депрессия занимает важное место в общественном сознании, но Великая инфляция из памяти исчезла. Книга Роберта Самуэльсона представляет собой успешную попытку вернуть «утраченную историю» Великой инфляции, эпизода, который он считает «самым большим промахом *внутренней*» (выделено автором книги) политики правительства США за период после Второй мировой войны. Но эта книга намного больше, чем просто повествование о победе над инфляцией; она представляет собой одно из лучших изложений экономической истории США и мира после 1960 года.

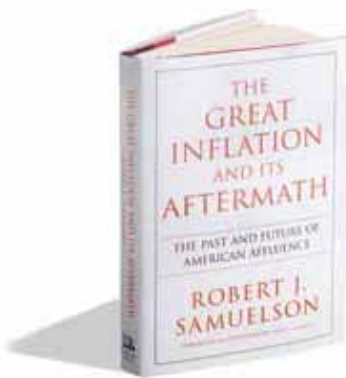
Нескончаемый дождь

С 1960 по 1979 год темпы инфляции в США возросли с менее 1½ процента до почти 13½ процента в год. Повышения цен, пишет Самуэльсон, были «подобно непрекращающемуся дождю». В то время граждане США яростно протестовали против этого повышения темпов инфляции. В опросах общественного мнения того времени инфляция упоминалась как «более возмутительное явление», чем война во Вьетнаме или Уотергейтский скандал.

Самуэльсон утверждает, что то обстоятельство, что инфляции было позволено вырасти до двузначных цифр, имело разрушительные последствия для экономики США в 1970-е годы. Высокие темпы инфляции, «бесспорно, дестабилизировали экономику и привели к четырем рецессиям, каждая из которых была все более тяжелой». Высокая инфляция и сопровождавшие ее высокие и изменчивые процентные ставки сдерживали повышение жизненного уровня, снижая производи-

тельность труда, создавая застой на фондовом рынке и вызвав ряд долговых кризисов, затронувших «американских фермеров, ссудо-сберегательные ассоциации США и развивающиеся страны».

Был ли этот непрекращающийся дождь просто неудачным стечением обстоятельств? Нет, говорит Самуэльсон, он был «нежелательным последствием движимой лучшими намерениями политики, за которую ратовали некоторые из самых известных ученых-экономистов страны». В 1950-х годах и начале 1960-х экономисты стали считать, что между инфляцией и безработицей существовала стабильная обратная взаимосвязь, что означало, что безработицу можно снизить, допустив

некоторое повышение инфляции. ФРС была «главным соучастником» в запуске Великой инфляции. Все серьезные эпизоды инфляции связаны с чрезмерным количеством денег, охотящимся за слишком малым числом товаров, и наихудшая инфляция мирного времени в США возникла, пишет Самуэльсон, «потому что правительство, действуя через ФРС, выпустило слишком много денег».

Утро в Америке?

Как удалось снизить инфляцию с двузначных цифр в 1980 году до лишь 4 процентов к 1982 году? Самуэльсон утверждает, что это «было достижением в основном двух человек — Пола Волкера и Рональда Рейгана». Но меры, которые они должны были принять для обуздания инфляции, были суровыми. ФРС под руководством Председателя Волкера ужесточила предоставление ликвидности до такой степени, что это вызвало самый «тяжелый экономический спад» после Великой депрессии. Роль бывшего Президента США Рейгана заключалась в том, что он позволил ФРС проводить эту политику «достаточно долго для из-

менения инфляционной психологии». Даже сегодня, как утверждает Самуэльсон, социальные издержки потрясений, пережитых экономикой США в период 1980–1982 годов в интересах снижения инфляции, «представляются ужасными».

Самуэльсон считает, что обуздание инфляции положило начало «процветанию в течение прошлой четверти века», что устранило большинство негативных последствий темпов инфляции, которой было позволено вырасти до двузначных цифр. Эти годы характеризовались ростом дохода в США, который опережал рост других развитых стран; энергичным предпринимательством, которое проявилось в создании таких компаний, как Microsoft, а также возросшим доверием к доллару США. Эта энергичность помогла преобразовать международные финансы путем содействия резкому увеличению трансграничных потоков капитала.

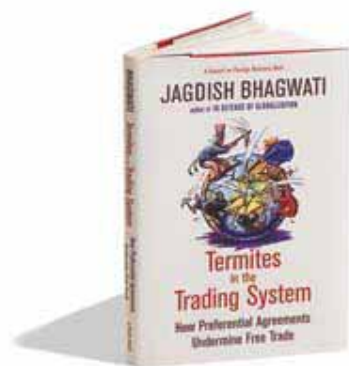
Вновь хмурое небо

Никакой успех невозможен без каких-либо недостатков и не может продолжаться вечно. Самуэльсон признает, что 25-летний период хороших экономических результатов имел свои недостатки и сейчас, возможно, подходит к концу. Годы, последовавшие за обузданием инфляции, характеризовались экономическим ростом, но «в обществе присутствовали более жесткие контрасты и оно вернулось к агрессивному существованию более ориентированной на рынок экономики». Продолжительное процветание — непрерывный рост при лишь двух мягких рецессиях — помогло «породить самодовольство и беззаботность» относительно последствий растущей сложности международных финансов, кульминацией которых стали текущие потрясения.

Самуэльсон утверждает, что для того чтобы восстановить процветание последних десятилетий, необходимо лучше понять связи между финансовой системой и остальной экономикой, которые со временем стали «более значительными и менее предсказуемыми». Предстоит усвоить новые уроки, но в то же время Самуэльсон настаивает на том, чтобы не забыть о выводах из опыта обуздания инфляции: «Урок Великой инфляции состоит в том, что инфляцию следует подавлять в зародыше: чем дольше мы ждем, тем тяжелее становится».

*Пракаш Лунгани,
советник Исследовательского
департамента МВФ*

Страстный голос

Jagdish Bhagwati

Termites in the Trading System

How Preferential Trade Agreements Undermine Free Trade

A Council on Foreign Relations book, Oxford University Press, 2008, 160 pp., \$24.95 (cloth).

В ответ на вызов математика Станислава Улама назвать одно утверждение из всех общественных наук, которое было бы истинным и нетривиальным, Пол Самуэльсон, беспорный гигант экономической науки XX века, предложил принцип сравнительных преимуществ: «Математику нет необходимости доказывать его логическую правильность, а о его нетривиальности свидетельствуют тысячи видных и умных людей, которые так и не смогли ни сами понять доктрину, ни поверить в нее после того, как мы ее им объяснили». Как мог бы указать Джагдиш Бхагвати, гигант теории международных экономических отношений XX века и автор книги «*Termites in the Trading System*» («Термиты в системе торговли»), тысячи видных и умных людей не лучше разобрались в различии между свободной торговлей и зонами свободной торговли (торговые соглашения между группой стран, более точно охарактеризованные ниже), хотя это различие также следует из небольшой группы аксиом, и его непонимание угрожает мировой торговой системе.

Бхагвати привлекает внимание видных и умных людей к этому различию и его значению длительное время, как в своих научных работах, так и в доступных материалах в популярной прессе. В начале 1990-х годов, когда недавнее смещение в сторону соглашений о преференциальной торговле (СПТ) только началось,

он один высказал предостережение о фрагментации торговой системы (см. его статью 1993 года «Общий обзор региональных и многосторонних подходов» («Regionalism and Multilateralism: An Overview») в работе «Новые аспекты регионального подхода» (*New Dimensions in Regionalism*, edited by Jaime DeMelo and Arvind Panagariya, New York: Cambridge University Press). Сейчас, когда преференциальных соглашений насчитываются сотни, и пропорционально растет сложность правил, регулирующих потоки товаров и услуг в эти страны, предостережение Бхагвати представляется особенно providческим.

Хотя Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), созданное в 1948 году, предусматривало недискриминацию между странами-членами как один из важнейших принципов, оно санкционировало (посредством статьи XXIV) исключения из этого принципа, разрешив СПТ в форме зон свободной торговли (ЗСТ) и таможенных союзов (ТС). Согласно действующим определениям члены ЗСТ, таких как группа Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), и ТС, таких как Европейский союз, должны ликвидировать внутренние таможенные барьеры, но члены ТС должны также принять единый общий тариф для импорта из стран, не являющихся членами. Хотя ЗСТ и ТС, как ожидается, ликвидируют барьеры в торговле между своими членами, эта мера не равносильна многосторонней свободной торговле. Дискриминационные тарифы, устанавливаемые странами-членами в отношении других стран, означают, что импорт может осуществляться из неэффективных источников, что имеет важные (и, возможно, неблагоприятные) нормативные последствия как для стран-членов, так и других стран. Более конкретно, как продемонстрировал Джекоб Винер в своем ставшим классическом анализе 1950 года (в работе *The Customs Union Issue*, New York: Carnegie Endowment for International Peace), некоторая торговля может быть «создана» между странами-членами и включать товары, которые они производят эффективно относительно остального мира, но так же легко торговля может быть «переориентирована» с эффективных третьих стран из-за преференций, которые страны-члены предоставляют друг другу. Таким образом, страны-члены вполне могут ухудшить свою ситуацию.

На 100 динамичных страницах, полных характерного остроумия и мудрости, Бхагвати рассматривает вопрос СПТ с научной точностью, исторической глубиной и вниманием к политическим тонкостям. В главе 2 он анализирует исторические причины статьи XXIV ГАТТ и политические императивы, которые заставили США отойти от некогда принципиальной позиции по недискриминации и принять исключения в статье XXIV. Его аргументы в главе 3 о негативных последствиях переориентации торговли на практике, основанные на недавних результатах, придают эмпирический вес теоретическим доводам против торговых преференций. Он также досконально рассматривает последствия преференциальной торговли для многосторонней торговой системы, и, безусловно, прав в том, что современная эволюция торговой системы в хаотическую сеть перекрывающихся и пересекающих друг друга СПТ (которую он метко назвал феномен «миски спагетти») не может быть эффективной. В главе 4 он призывает страны отказаться от двусторонних инициатив в пользу многосторонней либерализации на широкой основе, с тем чтобы уменьшить искажающие эффекты торговых преференций, и приближения к мировой свободной торговле.

Но прислушаются ли к этому тысячи видных и умных людей? За последние несколько десятилетий Бхагвати, как классический индийский виртуоз, создал множество вариаций аргумента в пользу свободной торговли и многосторонних подходов к ее достижению. Книга «*Termites*» содержит некоторые из наиболее поразительных аргументов Бхагвати в пользу различия между свободной торговлей и зонами свободной торговли, самые сильные опровержения для тех, кто путает эти два понятия, и страстные описания последствий для торговой системы, следующие из этого смешения. Его аргументы заслуживают серьезного внимания.

Правин Кришна,
заслуженный профессор
международных экономических
отношений
на гранте Чун Ян Юна,
университет им. Джонса Хопкинса